

Орлов Александр Павлович

Утехи меланхолии

Российское сочинение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
О-66

О-66 **Орлов Александр Павлович**
Утехи меланхолии: Российское сочинение / Орлов Александр Павлович – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 84 с.

ISBN 978-5-519-66920-7

Репринт единственного издания «Утех меланхолии», изданной анонимно в 1802 году. Книга, написанная в стиле ультрасентиментализма описывает будни и впечатления чувственного мыслителя на столе которого «клокочет самовар», а сердце «влечется к ужасным могилам» возле «наследственных руин».

Автором «Утех» был тульский помещик Александр Орлов (1772 - 1802). Служил в Преображенском полку, в 1796 вышел в отставку с чином подпоручика гвардии. Некоторое время Орлов жил в Москве, где познакомился с молодым писателем, тогда еще сентименталистом Е. И. Станевичем.

В конце июня 1802 Орлов переехал в с. Никольское. В имении он начал жизнь сельского хозяина заменив оброк барщиной, а крестьян, замеченных в лености и исполнении его приказов, нередко наказывал телесно. До выхода своей книги Орлов не дожил всего несколько месяцев. Октябрьской ночью крестьяне подкараулили на дороге своего тридцатилетнего барина и забили насмерть дубинами.

На книгу обратил внимание А. С. Шишков и в «Рассуждении о старом и новом слоге русского языка» (СПб., 1803) процитировал отрывки из «Утех меланхолии» как смехотворные «примеры» нового карамзинского слога. Книгу знал К. Н. Батюшков, а со слов Жуковского среди арзамасцев она слыла примером сумбура и галиматъи; в письме к А. И. Тургеневу от 1819 П. А. Вяземский писал: «Кровь у меня в жилах не течет, а клокочет, как самовар творца “Утех меланхолии”».

ISBN 978-5-519-66920-7

© Lennex Corp, 2025
© Орлов Александр Павлович, 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

УТѢХИ МЕЛАНХОЛІИ.

К ъ о т т и з н ъ.

Щасливой уголокъ безмятежно-спи, уединенное сельцо! мирное лоно швое въ шумѣ осеннихъ бурь нѣжишь скорбный духъ мой, любезная пустынька питаетъ меланхолію, тихія волны крошкія рѣки покойно орошаютъ Гошическій Островъ (*). Среди Октябрскихъ непогодъ, въ дикогуштѣйшей мглѣ, при порывистыхъ вихряхъ, привѣтспвуемый мерцаніемъ дружественныя Цинѣи; съ любимымъ мнѣ Юнгомъ, брожу въ задумчивости по наслѣдственнымъ руинамъ. Всюду безмолвно! глухой ревъ суроваго Борея уныло стонетъ въ окна стараго дома, въ шуманномъ небосклонѣ рисуется печальная свйпа галокъ, кои, кракая при водахъ мутныхъ, сообщаютъ трауръ періодическій, убѣжденный въ

Часть I.

А

(*) Имя деревни.

воображеніи изящностію твореній
моего Албіонца, въ нѣдрѣ обитали
молчанія хвалословлю Тебя, Трѣди-
ный.

Деревенская жизнь противопо-
ложена круженію свѣтскаго мечпа-
теля. Это пристань, въ ней мо-
жетъ свободно воздохнуть и ощу-
пить, что тщетно мчится въ
суешности. — Въ простотѣ же той
лобызаетъ прочное удовольствіе. —
Сіи древнія кущи прѣяніе Гигант-
скихъ возвышеній страны развра-
щенія, гдѣ сіяетъ гибельное не-
исповство испорченныхъ нравовъ,
далеко отчужденное блаженства Ар-
кадіи. Въ уютномъ же существо-
ваніи доволенъ всѣмъ радующимъ,
не завидуя обманчивости призраковъ
бездѣйственныхъ празднолюбцевъ, но
благословляетъ участь, сердечно его
утѣшающую.

Милой удѣлъ собственности! въ
твоихъ благоденственныхъ хижинахъ
душа моя чувствуетъ пре-
имущественно веселіе, пріобрѣтаемое
въ скромномъ жилищѣ, невинности
посвященномъ; безхитросные твои

предметы пребудутъ всегда интереснѣйшимъ для меня зрѣлищемъ. — Я доколѣ дышу, не престану возсылать признательнѣйшіе объѣты къ вышшему Виновику щедротъ, мнѣ дарованныхъ, и въ маленькомъ кругѣ любви и пріязни сокращу мрачность времени, наслаивательно пользуясь премѣнами вращающагося года, сближающими смертныхъ, ко всерѣшишельнѣйшей цѣли вѣчности.

*Юнѣйшему собесѣднику моего
уединенія.*

Дитя прелестное! компанистъ души и сердца моего! любезной Сашенька! Колико невинныя ласки твои доставляютъ удовольствія существу чувствительному. Ангельская улыбка твоя проясняетъ мрачную ипохондрію на челѣ угрюмага, являя ослабленна. Плѣняющая невинность игръ твоихъ неизбѣжно восхищаетъ отеческія ощущенія, награждая сугубо сердобольныя попеченія горячо любящей матери...

Папинька — маминька — толь нѣжно, толь привлекательно тобою нѣмошствуемые, есть уже родительское ихъ утѣшеніе. Одушевленные симпатією Природы заключають въ свои объятія, и пламенное лобзаніе ихъ печашлѣетъ лилейнорозовыя твои ланиты, еспіешвенно бывъ воспорженные; вкушаютъ блаженство; внутренно радуются; единомысленно благодаря милостиваго Бога; въ общеспвенной признательности весело слезящіе; съ теплой вѣрою испрашиваютъ благополучнаго послѣдствія твоему возрасту.

Младенспвующій другъ пріятнѣйшаго времени! пшенецъ мною лелѣнный! тобою, непорочный малютка; много; много иніпересуюсь я въ тихомъ моемъ уединеніи; крошкая; самодовольная усмѣшка; среди меланхолическихъ упражненій; дарить меня неоцѣненно. — Дѣтское прыганье внушаетъ мнѣ безмятежность забавъ твоихъ, сей лучшій даръ Неба смертному! Коль наставительно взирашь на тебя въ разкрывающейся веснѣ твоей! Какъ рѣво

скачешь предъ каминомъ, любясь
 на алой огонь, тебя прельщающий!
 Трещатъ снѣдаемыя дрова, и пы
 лепечешь, быстро отскакиваешь,
 дребезжишь въ окна комнаты, сквозь
 кои блѣдная Гекапа отражаетъ
 пусклые опсвѣтки, мгновенно спре-
 мишься съ нѣчто значущимъ внима-
 ніемъ, хротаешь ручонками бюсы,
 цѣлуешь Сократа, Цицерона, Демос-
 фена, Гервея, между тѣмъ въ ге-
 мисферѣ свищутъ ярые Аквилоны;
 мы при разрисованныхъ свирѣпой
 спарицею спеклахъ занимаемся кни-
 тою. Ты, будто предчувствуя ея
 содержаніе, плесками одобряешь.
 Лолопа; Фанфанъ, благороднѣйшая
 чета лестно гармонируютъ намъ.
 Почтенный Милордъ! преданіемъ тво-
 имъ мудрый Дюмениль вдохновен-
 ный, съ какою опытностію повѣсп-
 вуетъ судьбу близнецовъ, напурою
 усыновленныхъ. Элегической Авторъ
 сей побуждая къ чувствительности,
 назидаетъ воображеніе къ вѣдшему
 участию. Необитаемый осп-
 ровъ! трагическое произшествіе
 жертвъ твоихъ воспаряетъ духъ

превыше лживыхъ химеръ ; населенныя человѣчествомъ дебри , исполненной единою суетностію. — Разспроганный композиціею краснорѣчивѣйшаго бытописателя , я плакалъ съ нимъ болѣзненно , и ты , Сашенька , взираешь сострадательно. Милое дитя ! чюмоя случайности да пребудушь тебѣ спасительнымъ примѣромъ въ бурной юдоли сей.

Расши , цвѣщи и созрѣвай вожделенная опрасль искреннія вѣрности жизнь тебѣ давшихъ ! Оправдай ихъ надежду изящнымъ твоимъ мужествомъ , дондеже приспѣютъ дни къ развитію твоихъ способностей ; обращай съ куколками , мячикомъ , гремушкою , свойственнымъ дѣтству ; посѣщай любителя твоего въ философическомъ его убѣжищѣ ; мое истинное желаніе зрѣть въ тебѣ нѣкогда Христіанина любомудрствующаго , сына церкви ; ревностно , усердно подданнаго , добродворяща ближнему. О ! да удостоитъ Всемогуцій видѣть мнѣ того событіе ! Вотъ чю можетъ пожелать тебѣ непремѣнный другъ твой.

Удовольственное время препрово- жденіе.

Пріятнѣйшій Май, вѣрный врачъ скорбнаго сердца! Прелестнѣйшій Май, радость унылаго духа! Прекраснѣйшій Май, утѣшитель скучнаго меланхолика! неизбѣжно восхищенъ магическимъ посѣщеніемъ твоимъ. Пробудясь на тихомъ ложѣ моемъ, срѣтаю розовой разсвѣтъ блистательной зари твоей, и уже въ объятіи друга. — Мы привѣстствуемъ начальный день, эмблему дружества нашего; среди искреннихъ восторговъ приходитъ любезной В..., раздѣляетъ съ нами сіи ощущенія, между тѣмъ самоваръ клопочетъ. Съ удовольствіемъ усѣвшись за столъ, пьемъ чай; обращаемся къ книгамъ, читаемъ Гимнъ, исполненный красотъ неподражаемыхъ (*), интересуемся назидательностію его смысла, угадываемъ достойнѣйшаго Автора, непосредственно занимаемся

(*) Пріятн. и Полезн. Препр. Врем. Часть. IX. стран. 14.

Иппокреною. Проходя ее показываю П . . . посвященное къ Философу горы Алаунской отношеніе. Новизна сія примѣтно его радовала. Тутъ предпринимаемъ общеспвенно благодарить милаго, добраго К . . . Ш, . . . за лестной отзвѣвъ; свидѣтельствуемъ признавательныя чувства трехъ друзей, симпатически къ нему расположенныхъ. Въ продолженіи сего сблизился обѣдъ; мы полдничаемъ, въ шесть часовъ въ своемъ сосіетѣ ѣдемъ въ рощу. Здѣсь до захода солнца съ трубками гуляли, читали, отдыхали при корнѣхъ черемхъ благоухающихъ, обоняли весеннія амбры, пожимали взаимно руки и блаженствовали въ своемъ самодовольствіи. Лунной вечеръ застаесть насъ въ семъ единомъ по склонности нашей упражненіи; напоминаемъ себѣ о успокоеніи, возвращаемся и разходимся ко сну; — но это крошечное по душѣ дѣйствіе побудило излить происшествіе на бумагу. — — — Удивляюсь тѣмъ людямъ, кои чувствуютъ, и молчатъ; они испинно жалки.

Нichtigkeit подлунного.

Увы! что есть кратковременное жизни нашей влечение? — Необозримая степь единыхъ воздыханий безотрадно скипающагося чело-вѣка Небо! какая цѣль дви-жетъ его къ скороизчезающимъ на-мѣреніямъ? — Алчность невѣдомаго, возслѣдственникъ раскаянія Боже преблагій! коль предпріятія плѣннаго тщетны! приспѣетъ вне-запная смернь, и слѣда людскія сущности не обрѣнется; — все по-глошивъ неумолимая будущность — и такъ право изреку:

Свѣтъ оный суета,
Мгновенная мечта!

Присные мои, ближніе! съ со-крушеніемъ сердца сознавая превращающуюся настоящность, подобно дыму теряющуюся въ неизвѣстности, искреннѣйше прилѣпимся къ добро-дѣтели; лобзая безприспирасное спо-койствіе, сей миръ душевный, об-рашимся ко утѣшительницѣмъ опчаян-ныхъ вѣрѣ, оправдавъ въ совѣснѣ

дѣянiя свои предъ вся прозирающимъ. О! когдабъ мы возмогли доспигнуть стоя благословенныя субботы!

Жребiи теловѣщества.

Въ средоточiе лѣта жгущей Левъ уклоняетъ обрѣсти свѣжестъ. Къ удовольствию спарый верпоградъ довольно имѣетъ пѣни, жаръ полудня прохлаждающий. — Осѣняемый его сводомъ, устремляю взоръ въ освѣщенное солнцемъ поле. Преинтересная карпина! отлично удовольственные виды! — Многозвдный В.... практъ въ пыли являетъ контрастъ зрѣнiю: пестрые толпы сельскихъ Ореадъ пупешествую въ М... Р... къ золопой жашвѣ, восклицаютъ пѣсни веселiя; имъ срѣпаются смуглыя ватаги пресмыкающихся Фараонитъ, пѣ извѣстные шарлапаны, обманывающiе легковѣрныхъ (*). — Одесной сирантъ бурѣетъ уже созрѣвшая рожь; — прошиву

(*) Вообще называемые Цигани.